СЕВЕРНЫЙ ДЕТЕКТИВ

АЛЬБИНА ИЗБЕКОВА

Я хотел жить на воле,
жить с ней — с любимой!
Но она догадалась...

МОЙ ЛУЧШИЙ ДРУГ — УБИЙЦА

[на основе реальных событий]

18+

Альбина Избекова

Мой лучший друг – убийца

«Айар»

Избекова А. И.

Мой лучший друг – убийца / А. И. Избекова — «Айар»,

ISBN 978-5-7696-6205-8

В сборник вошли детективные рассказы разных лет, написанные на основе реальных уголовных дел, запутанных, сложных, имевших в свое время большой общественный резонанс и, к чести сыщиков, раскрытых по горячим следам. Рассказы знакомят с нелегкой службой якутских оперативников, впечатляют мужественными и яркими образами сотрудников уголовного розыска. Среди них есть выдуманный герой, подполковник милиции в отставке, сыщик Петр Петрович Мурунов, прозванный еще в молодости Золотой Пяткой, которому не сидится дома, и он по-прежнему в эпицентре раскрытия уголовных дел.

ISBN 978-5-7696-6205-8

© Избекова А. И.
© Айар

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 6
У ЗИМНЕЙ РЕЧКИ 8
РОЗОВОЕ ПЛАТЬЕ 14
ЧАС НОЧИ 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Избекова Альбина Иоакимовна
Мой лучший друг – убийца

Самой элитной службе Министерства внутренних дел Республики Саха (Якутия) – службе криминальной полиции посвящается.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Герои моего небольшого сборника детективных рассказов – рядом с нами. Каждый день и каждый час эти мужественные люди, не говоря громких слов, занимаются тем делом, которое выбрали себе раз и навсегда. А дело это чрезвычайной важности – борьба с преступностью, с открытым его проявлением, когда на карту поставлена человеческая жизнь.

Святой долг сотрудников уголовного розыска – выявить мотивы преступления, найти верный след и обезвредить преступников. И эта нелегкая задача им почти всегда удается, каких бы трудов это ни стоило.

В основу детективов легли подлинные уголовные дела, запутанные, сложные, имевшие в свое время большой общественный резонанс и, к чести сыщиков, раскрытые по горячим следам.

Уголовное дело, ставшее основным сюжетом детектива «У зимней речки», рассказано самим главным героем Вилюем Николаевичем Золотаревым, сыном народного писателя Якутии Николая Якутского. Большой интеллектуал, эрудит, В.Н. Золотарев был первым начальником следственного отдела Управления внутренних дел г. Якутска и участвовал в раскрытии множества уголовных дел не только города, но и республики. Великолепный рассказчик, он до мельчайших подробностей помнил командировку в Верхоянье далекого 1957 года, когда ему, 28-летнему, доверили возглавить оперативно-следственную группу.

Трагическая, почти шекспировская история одного уголовного дела из практики представителя МВД РС(Я) в Москве, полковника милиции в отставке, бывшего якутского сыщика Сергея Владимировича Колосова легла в основу детектива «Розовое платье». Здесь я отхожу от конкретики, полностью изменив факты и противопоставив документальности романтический лиризм.

Детектив «Час ночи» также создан на основе действительных фактов, когда зимой 1993 года Якутск буквально застыл от серии убийств. В раскрытии этого шумного уголовного дела принимали участие лучшие сыщики города и республики, ветераны милиции: Егор Петрович Васильев, Виталий Михайлович Егоров (автор детективных повестей и книг-бестселлеров), Иван Данилович Решетников, Николай Викторович Никитин, Сергей Александрович Мохов, Анатолий Елисеевич Окороков, Айал Прокопьевич Левин, Георгий Валерьевич Федоров, Александр Иванович Камсков. Однако в рассказе не следует искать конкретных героев, все образы – литературные.

Крайний Север ли республики, село ли центральной ее части или сам Якутск, столица, – везде и ежечасно идет невидимая обывательскому глазу борьба с криминалом. Эта борьба противоречивых сил – напряженная, требующая от человека особых качеств: целеустремленности, настойчивости, обладания теоретическими и практическими навыками и, главное, мужества.

Рассказ «Первый бой» посвящен тем сотрудникам ОВД, кто сражался в «горячих точках», и в нем нет параллели с конкретными героями в жизни.

«Дом у дороги» – повествование с реальными людьми в погонах по раскрытию тяжкого преступления, которое имело место быть в Сунтарском районе в конце 90-х. Таков и трагический случай, описанный в рассказе «Выстрел в ночи», где молодой младший лейтенант ОВД Верхневилюйского райисполкома Григорий Иванов путем умозаключений приводит уголовное дело к логическому концу в 1970 году.

Эти и другие рассказы – желание показать обычный, но героический труд наших с вами скромных современников, которые находили единственно верный путь к изобличению преступника; шли на риск, забыв о себе, своих семьях и детях; шли только вперед во имя торжества истины и справедливости.

Уголовные дела открываются и закрываются. Они не для широкого читателя. Продолжение их в детективных рассказах – попытка остановить на бумаге время. Быстротечное Время – переплетение событий, фактов, лиц, образов, характеров, судеб, которое прошло, но достойно этого ради будущего, ибо все это наша разноликая, плохая и хорошая, но единственная Жизнь. Быстротечное Время, в котором нет уже оперативников Сергея Владимировича Колосова, полковника милиции в отставке, раскрывшего с коллегами уголовное дело, ставшее основой рассказа «Розовое платье»; майора милиции в отставке Гаврила Иннокентьевича Лаптева, поведавшего случай из своей практики в далеком и тихом городе Среднеколымск; подполковника милиции в отставке Григория Николаевича Иванова, человека бескомпромиссного, честного и принципиального, инспектора детской комнаты, изобличившего маленького преступника; полковников милиции Анатолия Елисеевича Окорокова, Егора Петровича Васильева, которые остались в памяти энергичными, быстрыми и удачливыми сыщиками.

Сборник рассказов «Мой лучший друг – убийца» – дань уважения тем, кто всегда на передовой борьбы с преступностью во имя нашей с вами безопасной жизни.

Автор

У ЗИМНЕЙ РЕЧКИ

– Ух, первым делом в баньку пойду! – худенький Леша Ксендзов, скинув из-за плеч огромный рюкзак, мечтательно потянулся.

– Размечтался, рановато еще, – уже устраиваясь на гостиничной койке, парировал ему Иван Филимонов, крепыш среднего роста, основательный, как все, что он делал, – до Якутска еще долететь надо. Запуржит – плакала твоя банька.

– Не запуржит, я знаю, еще рано, – по-мальчишески упрямо ответил Леша, но Иван пропустил его слова мимо ушей: мальчишка и есть мальчишка, 19 лет всего, что с него взять. «А банька, – подумалось Ивану, – не помешала бы». Сейчас придет Сергей Петрович, их главный, начальник партии, билеты, наверно, уже купил, тогда завтра домой, в Якутск. И прощай до следующего лета, этот комариный край, это Гребнегорье, как называют геологи горы Верхоянья.

Большая геологическая экспедиция, в состав которой входила их партия, работала в этих местах с начала лета. Проводила съемки, детализировала геологическое строение территории, собирала материалы, вела подсчеты и делала прогноз для будущих работ. Лето прошло в долгих маршрутах, переходах и исследованиях. Склоны вечных гор Верхоянья богаты россыпями золота, серебра, руды, свинца и цинка. Так что работы здесь – непочатый край.

За это лето Леша Ксендзов, студент-практикант из Москвы, которого привела в эти далекие места вечная тяга молодых – романтика; техник Иван Филимонов, 28-летний, угрюмоватого вида мужчина, немногословный, но надежный и сильный; и Сергей Петрович Титов, начальник партии, шатен среднего роста, имеющий за плечами уже более десяти лет работы в поле, товарищ опытный и хорошо знающий свое дело, – сдружились, привыкли друг к другу до такой степени, что предстоящее расставание, означавшее конец их совместной работы, не очень-то радовало, особенно Лешу.

На улице пасмурно. Он включил свет в комнате. Маленькая лампочка под потолком, без плафона, осветила скромную обстановку: три кровати, побеленные стены, платяной шкаф, стол у окна с графином воды. Когда же придет Петрович? Скоро и столовая закроется, шестой час уже. А ложиться без ужина в прохладной гостинице не очень-то хочется.

Леша всмотрелся в окно. Жесткий северный ветер давно прошелся по зелени, сорвал последние желтые листья. Свинцовое небо обещает только холод, снег и ветер. На улице ни души. Будто вымерли эти деревянные дома, этот маленький поселок, райцентр. Сентябрь в этих краях похож на московский ноябрь, когда по стылым улицам начинает мести снежная поземка. Как Леша соскучился по Москве, по матери с братишкой, друзьям, как ждет встречи с ними, чтобы рассказать про свое взрослое лето в хребтах Верхоянья! И будет что им рассказать: про маршруты, про золотые закаты, когда кажется, что солнце садится за хребет, про огромные мшистые валуны, разбросанные по склонам гор, про горных баранов, которых доводилось видеть. Да много чего необычного в этих девственных краях, куда первыми ступают они – геологи, а в их числе и Лешка.

Сергей Петрович, начальник партии, бодро шагал в сторону гостиницы. Он был немного раздосадован и… Раздосадован от того, что рушились все планы улететь первым бортом в Якутск, домой, где ждали жена и сынишка, а рад тому, что именно ему, молодому начальнику партии, доверили такое важное дело, дело государственной важности, как сказали в райкоме партии, когда передавали ему секретный пакет из Якутии.

Письмо в пакете было новым заданием: найти по такому-то маршруту минерал стратегического значения. Это означало возврат в поле, снова на поиски, съемки и исследования. Как-то воспримут новость ребята? Вряд ли обрадуются. Это бесспорно.

– Ну как, орлы, к взлету готовы? – весело спросил он с порога комнаты.

– Готовы. А что? – Иван приподнялся на кровати. – Что-то новое?

– Пошли в столовку, там расскажу, – Сергей Петрович не хотел с бухты-барахты разочаровывать ребят, надо чуть-чуть их подготовить.

– Вот какая новость, – сказал Титов, когда ужин в столовой подходил к концу, – мы остаемся. Я получил новое задание, задание важное, секретное, государственное. Это большое доверие, и мы должны его оправдать. Как вы знаете, это означает новый маршрут, новые поиски. Мы возвращаемся в поле, на это уйдет всего около месяца.

– Плакала твоя банька, – хмуро сказал Иван, глянув на Лешу, – Хм-м, около месяца? Что ж… Можно поработать.

– А практика? Моя практика уже закончилась, – больше всех был огорчен Леша.

– Напишем бумажку, что выполнял государственное задание. Когда у тебя занятия?

– С 1-го октября.

– Ну, успеешь. К этому времени будешь дома.

– Ну, раз государственное… – только эта государственность и тешила Лешку, а домой хотелось очень.

Наутро в Батагай прибыл борт из Якутска. Повеселевшая экспедиция покинула поселок, а партия Титова, состоявшая всего из трех человек, вылетела на «антошке» до центральной усадьбы колхоза, откуда должна была держать маршрут.

На сборы ушел целый день. Сентябрь в Верхоянье означает начало зимы. Запаслись провизией, теплой меховой одеждой – дохами, торбазами, взяли палатку. Нашли проводника – коммуниста Ивана Гаврильевича Слепцова, бывшего председателя колхоза. Слепцов, крепкий мужчина с обветренным лицом, был молчалив, по-русски не знал, но по тому, как он складывал вещи, как основательно перетягивал веревки, было видно – опытный, с ним в хребтах не пропадешь.

На следующее утро геологи отправились в путь. Маршрут был на северо-восток, к высоким горным хребтам, на склонах которого и должен был находиться секретный минерал.

Впереди шел проводник. За ним Филимонов, Лешка и завершал цепочку Титов.

В горах их застал снег. Он был теплый, но не таял. К счастью, не было и ветра. Когда уставали, устраивались на привал, разбивали костер, ставили на ночь палатку. Где-то на пятый день маршрута начали проводить съемки, изучать отложения пород. Проводник занимался поиском дров для костра, приготовлением пищи, а ночью поддерживал в палатке огонь в печи. С ним трудно было общаться. Ребята над ним подшучивали, а он не понимал. Шутили по-доброму, но Слепцов, видимо, воспринимал их забавы всерьез, и от этого было еще смешнее. В ответ на их смех он не улыбался, замыкался, уходил в себя и только исподлобья разглядывал их своими большими черными глазами.

На седьмой день маршрута, когда исследования показали, что партия идет по верному пути, решено было остановиться на склоне горы, на берегу речки Талчан, чтобы провести более глубокую детализацию пород. Склоны гор – лучшее для этого место, под рыхлыми отложениями без особого труда, не выкапывая шурфы и скважины, можно изучать минералы. Сказано – сделано. Разбили лагерь, поставили палатку, а снег все шел.

– Леш, сходи за водой! Пора пить чай, – крикнул Иван Ксендзову.

– Щас, ведро только найду!

Пасмурный день клонился к вечеру. Пора отдыхать, а завтра с утра, как только посветлеет, надо приступать к поискам.

– А где проводник?

– Не видел. Наверно, за дровами пошел.

– Нет, он здесь. В палатке.

– Иван Гаврильевич, – окликнул проводника Леша, – дрова, надо дрова!

Леша показал на чахлое деревце, изобразил, что вырывает его с корнем, а потом бросает его на землю и поджигает. Слепцов непонимающе посмотрел на Лешу и отвернулся. Махнув

рукой, Леша начал спускаться к речке. На сердце было легко: всего неделю они на маршруте, а уже вышли на жилу. Неделя работы, неделя пути, а потом через день-другой он уже дома, в Москве. Дома, после выполнения государственного задания, будет что рассказать…

Он спустился до середины склона, как его сбил с ног огромный отсвет огня. В грудь ударило что-то твердое, оглушающее и нечеловечески сильное! Леша упал на снег уже мертвый…

На выстрел из лагеря выбежал Титов. Увидев лежавшего на снегу, окровавленного Лешку, он какую-то долю секунды замешкался. Этого хватило, чтобы пуля со снайперской точностью попала ему в голову. Когда раздались выстрелы, Иван Филимонов разжигал костер. Он ничего не понял, увидев Лешку и Титова, залитых кровью. Кто, за что? Где проводник?

– Эй! Слепцов! – крикнул он в тишину. Ответа не последовало. Ужас объял его. Может, ребятам надо помочь, может, еще живые… Весь дрожа, он начал спускаться к ним…

Выстрел грянул, как гром среди ясного неба. Филимонов припал к земле, но правая рука отяжелела, набухла, и он почувствовал под рубашкой жаркое тепло. «Стреляли снизу», – пронеслось в голове, и ползком, от валуна к валуну, он начал уходить от страшного места, где за огромным камнем притаился невидимый убийца.

Иван прислушался. Тихо. Бежать, бежать что есть силы отсюда! Но руку пронзила острая боль, ползти было тяжело. Надо выйти на следы, которые они оставили, поднимаясь на берег речки, они приведут к людям… Ох, больно! Главное – спастись.

Прячась за камнями, он спустился вниз. Он оглядывался, но не заметил, как за ним наблюдает пара настороженных глаз.

Иван успел захватить из лагеря ружье, палец был на спуске, но эта адская боль в руке так мешала сосредоточиться. Еще один камень, теперь быстрее к другому. Осталось немного до тропки, которую еще не замело снегом. Собрав силы, Филимонов побежал. Через некоторое время он почувствовал, что не один. Кто-то бежал за ним следом. Нет, так просто он не сдастся, его так просто не возьмешь.

Филимонов оглянулся. За ним большими прыжками, след в след бежал мужчина в оленьей дохе. Это был… Иван споткнулся о кочку. Спина разорвалась от боли. Последнее, что он увидел – голый куст осокоря…

Проводник шел быстрыми пружинистыми шагами, по многолетнему опыту угадывая под снегом кочки и обходя невидимые ямы. Он торопился донести до людей страшную весть о трагедии, невольным свидетелем которой стал.

В спешке Слепцов толком не собрался, но успел прихватить спальный мешок, немного хлеба и котелок. На ночлег он устраивался в укрытых от ветра ущельях гор, где разводил костер.

Весь измотанный, Слепцов добрался до села к обеду и сразу направился в правление колхоза, где ошарашил всех своей новостью. Из правления тут же позвонили в райцентр, и уже к вечеру «антошка» – незаменимый в этих суровых местах транспорт – доставил в усадьбу колхоза молодого следователя районной прокуратуры и милиционера.

На следующее утро на оленях – снег уже лег на землю плотным пластом – выехали на место лагеря. Три дня пути прошли на одном дыхании. На передней упряжке, указывая дорогу, ехал проводник.

Речка Талчан встретила людей безмолвием и тишиной. Сиротливо серела на высоком берегу одинокая палатка. Следы и трупы давно занесло снегом. Трупов было два. Третьего члена партии – техника-геолога Филимонова – не обнаружили. Все соответствовало рассказу проводника Слепцова: здесь произошла ссора, геологи перестреляли друг друга. Филимонов исчез, и, видимо, все это – его рук дело.

В Батагае властвовала полярная ночь. Маленький деревянный поселок жил в кромешной мгле, лишь к обеду темное небо светлело, начинали проступать из сумерек разномастные домишки, и на тихих улочках появлялись редкие прохожие. На это короткое время поселок

как бы оживал. В окнах домов открывались занавески, и в них можно было заметить бледненькие лица малышей и немощных старух. Но через час-другой световой день кончался, поселок снова поглощала мгла, и зажигались привычные огни.

За три года работы в республиканской прокуратуре молодой прокурор-криминалист Вилюй Золотарев был привычен к северному климату и давно перестал удивляться несоответствию времени суток и фактической ее данности, как делал это молодой напарник Юра Тарасов, прибывший в Якутию из Таллина и выехавший на свое первое дело.

Кроме них, оперативно-следственная группа состояла из судмедэксперта Минздрава Прасковьи Ивановны Березовской, приятной располагающей к себе женщины средних лет; начальника угро МВД Василия Петровича Мохова, грузноватого мужчины с добрыми глазами и мясистым носом на полном лице. С ними Вилюй быстро сошелся. Уже через сутки, когда, прилетев из Якутска, побывали в райкоме партии, ознакомились с делом в отделе милиции и поработали в морге – маленьком старом амбарчике – с телами убитых, Вилюю казалось, что знает он Прасковью Ивановну и Василия Петровича давным-давно. Быстро нашел он общий язык и с Гошей Стручковым, следователем местной прокуратуры, быстрым и подвижным деловым парнем. А вот Владимир Матвеевич Лужинский, кэгэбэшник, худощавый и немногословный, держался от всех в стороне. То ли он был значителен от выпавшей ему миссии представлять КГБ, то ли просто был высокомерен, но в общие беседы он не вступал, держался важно, говорил тихо, но твердо, как и подобает важной персоне. И, видимо, он был очень огорчен от того факта, что руководителем группы назначен какой-то сопляк-мальчишка, которому он, он (!) вынужден будет подчиняться. Проводник Слепцов тоже держался особняком. Парой фраз по-якутски он изредка перекидывался с Гошей Стручковым, и на этом общение кончалось.

На сборы в центральной усадьбе колхоза ушел целый день. Собирались основательно: взяли палатки, печки, провизию, переоделись в меховые дохи, торбаса. Погрузились на нарты. Север не терпит легкомысленного к себе отношения, и кто знает, на сколько дней затянется осмотр места происшествия.

Вышло так, как и предполагали. Дорога на речку Талчан получилась не из легких. Нагруженные нарты то и дело переворачивались на кочках, мороз крепчал, чтобы согреться, на ровных местах бежали за упряжками.

С помощью проводника Слепцова Прасковья Ивановна установила место, где были найдены геологи. Установив расположение тел, она пришла к выводу, что стреляли снизу. Вилюй был с ней согласен. Раны на телах погибших, осмотренные в морге, сквозные, пулевые отверстия свидетельствовали о том, что пули были направлены верной рукой – так метко, с целью попасть в жизненно важные органы стреляют только опытные стрелки. А это – привилегия охотников. Следовательно, убийцу надо искать среди местных. Местный в партии был только один – проводник Слепцов. Но кто знает. В партии у всех четверых были ружья. Сейчас в наличии три. Нет ружья Филимонова и его самого. Значит, путем исключения можно выйти на след убийцы.

Дни выдались напряженные. Разные версии не покидали Вилюя даже ночью, и, в конце концов, он решил остановиться на вещественных доказательствах: надо найти гильзы от ружья. Они должны быть. И тогда станет ясным, кто преступник.

– Гильзы в снегу? Это все равно, что иголку в стоге сена искать, – парировал Лужинский, когда, подводя итоги дня, за вечерним чаем Золотарев высказал свою точку зрения. Владимира Матвеевича совсем не устраивало дальнейшее пребывание в этих забытых богом местах. Дело представлялось ему безнадежным.

Утром работа закипела. Развели большой костер, над ним устроили кусок листового железа. Сюда стали таскать снег. Снег таял, но гильз не было: снег и мох, мох и снег. Мох перещупывали рукой. Безрезультатно. Так прошло несколько безуспешных дней. И вдруг один день принес удачу. Растаявший снег оставил после себя обрывок газеты. Газета была на немец-

ком языке! Тут же Лужинский выдал версию: Филимонов – завербованный агент, перестрелял членов партии, сорвал государственное задание, а сам морем, на подлодке уплыл в Америку.

По рации сразу передали в милицию версию Лужинского, приметы Филимонова. После этой новости на исчезнувшего техника-геолога был объявлен всесоюзный розыск. Одновременно запросили на подмогу людей из колхоза и скоро с утроенной силой приступили к расчистке снега: если нашли одну улику, найдется и другая.

Где-то на семнадцатый день работы, когда вокруг было очищено руками около 240 квадратных метров площади, из мха выпали на кусок железа две гильзы. Их срочно отправили в Якутск на баллистическую экспертизу.

В то утро, когда это случилось, уже собирались в обратный путь, складывали поклажу на нарты. А случилось вот что. Вдруг снизу раздался крик Мохова: «Сюда! Скорей сюда! Здесь человек!» Речка Талчан начала выдавать свою тайну. Обходя на всякий случай окрестность, начальник угро споткнулся о кочку и упал на голый куст. Под ним было что-то твердое. Больше интуитивно, чем сознательно, Мохов разгреб снег и увидел торчавшую голую человеческую руку… Она сжимала ружье.

Расчистили снег. Это был мужчина. Проводник согласно кивнул, опознав его. Филимонов был убит ударом ножа в спину…

Погрузив горький груз на нарты, оперативно-розыскная группа двинулась в сторону центральной усадьбы.

Версия Лужинского об агенте Филимонове лопнула, как мыльный пузырь. Если даже Филимонов, поссорившись, застрелил Титова и Ксендзова, то кто ж убил его самого? Пусть не проводника рук это дело, тогда – кого же? И почему тот, пятый, пожалел Слепцова? Но, с его слов, больше на речке Талчан никого не было. Рассказ Слепцова о ссоре не сходился в некоторых местах.

Однако кто-то из застреленных мог раньше настигнуть Филимонова, а потом они могли убить друг друга. Но пулевые отверстия наглядно свидетельствуют, что стреляли снизу. Стрелял кто-то другой, который остался жив.

Был ли пятый? Правду ли говорит Слепцов?

Через неделю, когда пришли результаты экспертизы, сомнения Вилюя рассеялись – гильзы оказались от ружья Слепцова…

Но проводник не признавался, он все повторял, что убийства совершили сами геологи. Вилюй, задержав его по подозрению, допрашивал с помощью Гоши Стручкова. Якутский язык давался ему, молодому прокурору, выросшему в городе, с трудом. Слепцов не признавался, настаивал на своем. Он оставался таким же невозмутимым. От прямых вопросов проводник не волновался, не покрывался потом, а смотрел прямо в лицо, глаз не отводил. Так бывает, когда говорят правду. Правда проводника: он не убийца. Но все доказательства играют против него. Как заставить его признаться?

Вилюй изучил его личное дело. Слепцов, выросший в этих местах, был отличным охотником, пользовался среди людей авторитетом, его избирали председателем колхоза. У него была большая семья, шестеро детей, он слыл хорошим семьянином. И вдруг – такая злость и жестокость… За что? На седьмые сутки допроса Слепцов тяжело опустил глаза:

– Они хотели меня убить.

– Что он говорит? – Вилюй вопросительно посмотрел на Гошу Стручкова.

– Он говорит, что они хотели его убить.

– За что?

– Не знает, но они постоянно издевались над ним и хотели от него отделаться.

– Как, в чем это выражалось?

– Они сговаривались, шептались, указывая на него.

– Но он же не знает по-русски?

– Ему так казалось.

– Как – только казалось?

– Казалось. И в тот день, когда он спустился к речке за водой, Ксендзов с ружьем побежал за ним, побежал убивать.

– Он говорит именно так?

– Так. И что?

Он опередил его. Опередил всех…

РОЗОВОЕ ПЛАТЬЕ

Каждое утро рождается новый день, орошая своим лучезарным светом золотистые долины. Но день умирает, чтобы превратиться в подлунный темный мир. Богиня-покровительница Иэйэхсит дарит людям зеленое лето, чтобы успели они в благодатное время выкормить скот, но и лето кончается, переходя в золотистую осень, за которой грядет стылая зима.

Маленькое дитя человеческое рождается, растет, крепнет, взрослеет и дряхлеет, незаметно обретая облик немощного старика. Ничто не вечно в этом божественном среднем мире. Все имеет начало и конец. Так и моя история печальна, как этот вечный круговорот жизни и смерти.

Давно это было. Был и я молод, красив и силен, как богатырь из олонхо. И как в сказке-олонхо, встретил свою Туйаарыму Куо. Встретил жарким июньским летом на ысыахе, когда белой ночью разносился над аласом звонкий осуохай. Она скромно стояла с подружками поодаль, не решаясь войти в круг, у белой, похожей на нее, стройной березы. Как сейчас помню, было на ней розовое платье-халадай, длинная коса жгутом извивалась по спине, а высокий крутой лоб оттенялся черным великолепием волос. Даже свободное длинное платье не могло скрыть ее сильной и изящной фигуры, нежный ночной ветерок путался в розовом платье, обрисовывая длинные точеные ножки…

Той дивной ночью мы познакомились, и жизнь приобрела для меня совсем иной, прекрасный смысл. С той ночи мы были неразлучны до тех пор, пока небесные божества не призвали ее, мою Татыйас.

Но это случилось много позже, когда вместе была прожита длинная жизнь, выросли дети; когда тело мое отяжелело, в волосах появилась седина, да и она, мой солнечный жаворонок, погрузнела, осела, прекрасное ее лицо избороздили морщины, а лучистые глаза потускнели от прожитых лет и зим.

Жили мы хорошо. В конце того счастливого лета сыграли с Татыйас скромную свадьбу. Я зарабатывал в колхозе трудодни, она с раннего утра уходила на ферму доить коров. Потом, когда у нас появился первенец – крошка-дочка, похожая, о счастье, на нее лицом – Татыйас сидела дома, выхаживая малышку. Моя Татыйас была сиротой, как и я, поэтому растить ребятишек нам пришлось без добрых бабушкиных рук.

Детей родилось трое. Красавица-дочь и два крепких мальчугана, смышленых и ловких, как и подобает быть будущим мужчинам.

Татыйас радовалась, говоря, что они чернобровы и красивы, как я. Я смеялся в ответ и видел в их чертах лица ее выражение, ее родной взгляд больших черных глаз, ее тихую улыбку.

В конце пятидесятых, когда Анчику, доченьке, исполнилось четыре, а мальчишки-погодки еще ползали по полу, неуверенно, что только что родившиеся телята, становясь на ноги, жить стало совсем туго. Моих денег ни на что не хватало. Побились мы об нужду, как рыба об лед, но, видно, верхние божества сжалились над нами, когда в один прекрасный день зашел в наше скромное жилище мой дальний родственник. Жил он в Якутске и рассказал, как там хорошо: в магазинах есть все, что пожелает душа, корову держать не надо, молоко продается там же. На работу можно устроиться в любом месте, и деньги платят, не то что в колхозе. А для детей существуют детские сады. Нет, это не как в кино, яблоки там не растут. Это такие дома, где целый день смотрят за ними, пока родители на работе. Да и кормят тоже. Рассказал он нам все это и ушел, оставив меня с Татыйас в полной растерянности – уж очень заманчивую жизнь описал мой родственник. В деревне нас, кроме молодой, прыткой и маломолочной коровы, ничего не держало.

Ладно, есть у этой коровы племя, однако мяса его хватает лишь до ранней весны и то при скромнейшем ежедневном расходе.

В общем, думали мы, думали и решились. «Ищущий да найдет» гласит якутская поговорка. Так и мы решили найти в городе счастье. Счастье для наших крошек-птенцов.

Из материалов уголовного дела № 1468

«29 мая 1984 г. в Ярославский РОВД г. Якутска обратилась дирекция продовольственного магазина № 31 в лице директора Бодровой Г.М. и председателя профкома Кушнаревич Л.И. по поводу пропавшей работницы – старшего продавца отдела «Бакалея» Ларионовой Анны Гавриьевны, 1956 г. рожд., по национальности якутки, незамужней, образование среднее специальное, проживающей по адресу – ул. Дзержинского, 29, кв. 62. Ларионова не является на работу с 18 мая с. г. Работники магазина были у нее дома, где она проживает с отцом и младшим братом. Родственники, со слов работников магазина, подтвердили, что не видели Ларионову А.Г. с 18 мая текущего года. Она ушла в тот день на работу и не вернулась.

Проверка квартиры Ларионовой, проживавшей по ул. Дзержинского, 29, кв. 62, подтвердила факт исчезновения. Ларионова действительно проживала там до 18 мая, когда ушла на работу и пропала без вести. Проживала Ларионова с отцом Ларионовым Гавриилом Петровичем, 1932 г. рожд., пенсионером, работающим вахтером в центральном архиве, и братом Ларионовым Федором Гаврильевичем, 1958 г. рожд., образование высшее, работающим учителем физики в школе № 11 г. Якутска. Отец и брат в милицию обращаться не стали, т. к. знают, что она ушла гулять и сама вернется, охарактеризовав таким образом Ларионову А.Г. как девушку легкого поведения и гулящую. Брат Ларионов сказал, что видел сестру примерно с неделю назад из автобуса, когда проезжал по проспекту Ленина, с незнакомыми молодыми мужчинами азиатской наружности около 5-6 часов вечера. Сестра была в приподнятом настроении и о чем-то оживленно с ними разговаривала. Внешности мужчин он не запомнил.

Проверка личностей Ларионова Г.П. и Ларионова Ф.Г. дала следующее. Ларионов-отец и Ларионов-сын характеризуются положительно, судимостей не имеют, живут тихо, без скандалов, связей с криминалом не имеют.

Ссоры и скандала перед исчезновением Ларионовой Анны Гавриьевны не было.

Ларионова характеризуется на работе положительно. Общительна, открыта, честна, хороший специалист. Выпивает по праздникам, как все. Выпивает ли вне работы – не знают. На работу никто из незнакомых мужчин к ней не приходил, связей, порочащих ее, не было, долгов нет, конфликтов тоже.

1 июня была проведена проверка квартиры второго брата пропавшей Ларионовой – Ларионова Петра Гаврильевича, 1959 г. рожд., образование среднее, рабочего Якутского молокозавода, проживающего по адресу – ул. Кеши Алексеева, 35, кв. 4. Ларионов П.Г. проживает с супругой Ларионовой Валентиной Ивановной, 1961 г. рожд., образование среднее, работающей санитаркой в городской больнице. Ларионовы имеют трехлетнего сына. Ларионовы П.Г. и В.И. характеризуются положительно, с соседями живут дружно, не судимы, отношения с сестрой ровные, родственные, она бывала у них дома. В долг деньги никогда у них не брала. В долг нередко брали они, но отдавали.

Ларионов П.Г. выпивает, приводит домой дружков, но скандалов нет, на работе не прогуливает, характеризуется положительно. 2 июня 1984 г. пропавшая Ларионова Анна Гаврильевна подана в розыск.

На основе проверки квартир Ларионовой, ее брата Ларионова Петра Гаврильевича, мест их работы возникли следующие версии:

1. Ларионова ушла из дома, уехала, запила.

2. Ларионова стала жертвой преступления».

В городе мы обосновались по улице Тимирязева в деревянном домишке с маленьким сухим двориком. Дом помог найти мой дальний родственник, добрейшей души человек, так

много сделавший для нас. Я устроился на работу рабочим на мясокомбинат. Получал хорошо в сравнении с селом, вдобавок к этому мог за копейки покупать мясные кости для супа, одалживать в бригаде деньги, если не хватало, до зарплаты. У меня появилось немало друзей, я научился говорить по-русски, как и вся моя семья. Дети, как того мы хотели, стали ходить в садик, у них тоже появились свои маленькие друзья по садику и друзья-подружки – соседи. С первого взгляда ничем не отличавшаяся от деревенской жизнь – Татыйас возилась с ребятишками, я работал, также топили печку и таскали воду, правда, из бочек во дворе, куда сливали по необходимости водовозки за небольшую плату – городская жизнь имела свои скрытые достоинства.

Небольшой, почти деревянный, где на окраинах по-сельски держали коров, это был все-таки город: с маршрутными автобусами, множеством магазинов, кино и театрами – и в нем было много чего интересного, чего не было никогда в деревне. В теплые вечера мы выбирались всей семьей в парк, отдыхая среди вечных сосен и вспоминая свое далекое селеньице.

Там мы становились зрителями концертов, которые проходили под открытым небом, а дети лакомились в кафе мороженым в вазочках, вкус которого напоминал вкус кёрчяха.

Татыйас в городе расцвела. Свои длинные смоляные волосы она укладывала теперь на голове корзинкой, как городские модницы. Ее дешевенькие платья освежались белыми шелковыми воротничками, а пальто она шила сама, копируя фасон у истинных горожанок. Иногда Татыйас с утра уходила с соседкой-подружкой в какой-либо магазин занимать очередь, где должны были выкинуть ткань для одежды, и возвращалась домой к концу дня, уставшая, голодная, но довольная от того, что скоро у нас будут обновы.

Дети росли спокойными и послушными. Мальчишки облазили, кажется, все заборы Залога, ловили под заложным мостом рыбу, особых хлопот не доставляли, взяв с возрастом на себя обязанности по колке дров и снабжению водой. Анчик жила своей загадочной девчоночьей жизнью.

Как и Татыйас в молодости, была она высокой, стройненькой и так же, как у матери когда-то, извивалась за спиной черная непослушная коса. Анчик – мой любимый ребенок. Я ничего не жалел для нее, принося в дом после зарплаты разноцветные ленты для волос, белые носочки и конфеты. Анчик, мой длинноногий стерх, первое дитя моей божественной неземной любви к Татыйас…

Из воспоминаний оперуполномоченного уголовного розыска Ярославского РОВД г. Якутска старшего лейтенанта милиции Адамова Андрея Николаевича

«Это было обычное дело. К сожалению, сложная штука жизнь выкидывает порой такие коленца, что уносит неизвестно куда здравых, разумных людей, поисками которых мы и призваны заниматься. Обычно пропавшие люди нередко находятся в другом районе республики. То, что они не известили своих родных об отъезде, объясняют размолвками, ссорами, конфликтами.

Бывает и так, что вместо здравствующей в другом месте потери мы находим где-либо ее труп, ставший жертвой преступления. И это тоже жизнь, наша жизнь, работа, а для близких – горе. Я приступил к розыску пропавшей Ларионовой А.Г. 30 мая 1984 г. При проверке квартиры, беседе с родственниками, отцом и братом, обратил внимание на некоторый беспорядок в доме, который обязательно присутствует, когда в нем живут одни мужчины, привыкшие возлагать поддержку чистоты на женщину. Этого не скажешь о Ларионове-отце, подтянутом, аккуратном седеющем мужчине, и Ларионове-младшем, который весь как бы излучает сияние от ухоженного свежего вида. У него модная стрижка, интеллигентные руки с коротко подстриженными ногтями, белейшие зубы, видно, что человек не курит; чистая отглаженная домашняя одежда. Но дома пыль, давно немытые полы, запустение. Возможно, это от навалившейся беды, но возможна и другая причина беспорядка – нежелание ничего делать, ничего не замечать вследствие крупного, из ряда вон выходящего события.

Отец Ларионовой был очень удручен ее отсутствием, чувствовалось, что этот сильный и умный человек тяжело переносит случившееся, хотя внешне держался спокойно. Его сын Федор Гаврильевич Ларионов внешне похож на отца – высок, красив. Видно, что человек доволен жизнью, работой. По поводу пропажи сестры он уверен, что та гуляет, сказал, что видел ее из автобуса. Меня насторожило то, что в ходе беседы Ларионов-младший пытался говорить больше сам, как бы не давая возможности отцу, поэтому возникали неуловимая напряженность и недомолвки. Ларионов-старший ничего не пытался в этом изменить».

…Дети выросли, окончили школу. Анчик поступила в кооперативный техникум, по окончании ее хотели отправить в район товароведом, но я был против, Татыйас уже болела, мы собрали справки об ее состоянии, дочку удалось устроить в Якутске продавцом. Не хотелось, чтобы она уезжала из дома, жила где-то в отдалении одна, среди чужих людей, которые могут в любой момент обидеть мою радость, да и Татыйас была против этого.

Федя любил точные науки, стал физиком. Это у него получилось, и я в душе гордился своим умным сыном, был счастлив, что давным-давно переехали мы в город, дав детям возможность получить образование. И только младший, наш последыш, остановился в этом полете познания жизни. Историком, как он хотел, не стал, экзамены провалил, отслужил в армии, а потом женился. И это хорошо. У меня появился маленький внучек Ванюша, такой же беленький и похожий чертами лица на мою несравненную черноокую Татыйас.

К этому времени, когда Петя устроил свою жизнь и появился внук, Татыйас уже сильно сдала… Простуженные когда-то в сиротстве почки постепенно вытягивали из нее жизненные силы. Она похудела, сморщилась, врачи запрещали ей вдоволь пить любимый чай с молоком, а ела, что птичка.

Мне на работе выделили, наконец, благоустроенную квартиру. Радости не было конца. Теперь у каждого из нас появилась своя комната, которую он обставлял, как хотел, и где мог встречать своих гостей.

Особенно я старался более уютно обставить комнату Анчика. Ее окно украсила воздушная тюль с белыми цветами, стены – яркий ковер. Кровать мы ей купили новую, просторную, со светлыми деревянными спинками и в тон ей – светлый шифоньер с большим зеркалом. Она садилась за маленький туалетный столик, нагроможденный всяческими девичьими приспособлениями для красоты, и расчесывала свои длинные шелковистые волосы. Ее ноги бесшумно ступали по мягкому теплому ковру, чтобы, не дай бог, не простыть, а над кроватью висело хрустальное бра, чтобы доченька перед сном не утруждала себя лишний раз вставанием.

Мы давно стали горожанами. Дети отучились в русской школе и разговаривали между собой по-русски. Впрочем, не забывали они и родной язык, свободно на нем изъясняясь; несмотря на долгую жизнь в городе, мы с Татыйас оставались выходцами из деревни, простыми людьми.

Из материалов уголовного дела № 1468

«10 июня 1984 г. около 12 часов дня в лесном массиве на сороковом километре Вилюйского тракта отдыхающими горожанами Ждановым С.И., Сорокиной Н.В., Габышевым А.Г. и Кузьминой А.С. обнаружено кострище, в котором найдены обгоревшие кости, похожие на человеческие.

Выехавшая на место происшествия следственно-оперативная группа Ярославского РОВД г. Якутска, в составе которой были эксперты городской и республиканской прокуратур В.М. Григорьев и Н.П. Попов, выяснила следующее. При осмотре кострища обнаружены обгоревшие останки человеческого тела без головы. Более тщательный осмотр кострища позволил установить между останками тела и кострищем фрагменты платья и туфель, что позволяет предположить, что труп женского пола.

Труп, вероятно, облит горючей жидкостью, огонь был высокий, спалил верхние ветки деревьев, что дает возможность сделать предположение, что он был облит бензином.

По раскрытию данного преступления создана следственно-оперативная группа из лучших розыскных сил МВД, УВД, городской и республиканской прокуратур.

Кроме следственно-оперативной группы на обследование данной местности задействованы курсанты Учебного центра, которые прочесывают лесной массив горизонтально и вертикально в радиусе трех километров. Однако все эти мероприятия результатов не принесли. Вещдоков не найдено».

Мое сердце долго обливалось слезами, когда не стало моей Татыйас, солнечного моего жаворонка. Жизнь, казалось, потеряла всякий смысл. Долгими зимними ночами я ворочался в постели, воскрешая в памяти всю нашу жизнь, вызывая ее оттуда, и окунался в легкий сон, где видел, любил ее, был с ней, моей единственной и ненаглядной. Разумом я понимал, что таков всегда конец жизни человеческой. Однако сердце, оглохшее и бестрепетное, не хотело с этим мириться, плакало и скорбело. Чтобы как-то заполнить пустоту, я устроился на работу ночным вахтером в архиве. Меня, еще крепкого, непьющего, взяли с удовольствием, и это помогло немного отойти от мыслей о моей бедной Татыйас.

Слушайте, люди! Слушайте верхние божества, призвавшие мою Татыйас!

Слушай, моя незабвенная Татыйас, слушай и не укоряй меня! Я знаю, что скоро встречусь и буду с тобой навеки, но я еще жив, силен и жаден до солнечных лучей, дарующих всем двуногим это неистребимое желание быть. Слушайте все! Слушайте, что со мной случилось спустя полгода после смерти моей Татыйас! Я, шестидесятидвухлетний старик, старик с кровоточащим от потери любимой сердцем; старик, у которого, казалось бы, все позади, влюбился! Я, седой пень, из которого вот-вот обсыплется труха и который скоро превратится в ничто, полюбил как легконогий мальчишка, и жизнь опять засияла передо мной всеми цветами радуги. Я стал беспечен и весел. В меня вселился дьявол молодости и любви. Я вновь стал мужчиной и снова стал любимым.

Не буду рассказывать, как произошла наша встреча. Она была необыкновенной, и моя любимая, как две капли воды, похожа на тебя, Татыйас, на тебя в молодости. Она также стройна, как ты когда-то, также бела и черноглаза и также морщит свой крутой лобик, когда ей что-то не по нраву. Каждую ночь, если я не на работе, я с замиранием сердца жду ее. Она приходит тогда, когда все спят, тихо проходит в мою комнату, и лавина страсти уносит меня в другой, яркий мир. Я целую ее натянутое тело с головы до ног, я схожу с ума от ее пышных шелковых волос и трепетных горячих губ, от ее сладострастного стона, который, я уверен, вырывается от наслаждения, доставляемого только мной. Мне хочется кричать от счастья на весь бескрайний ночной мир, мне хочется одновременно плакать, ибо то, что дарит она мне в моей постели, сказочно и нереально. Неужели это я? Я, задавленный горем и одиночеством старик, способен воззвать к любви и неге это молодое тело с нежными лепестками рук, которые обнимают и ласкают в эту ночь только меня? Эти руки гладят мое, еще сильное тело, вливая в него невидимыми нитями свою энергию, и чтобы впитаться ею до конца, я вновь и вновь ухожу в небытие любви, чувствуя под собой ее жаркое гибкое тело…

Ее руки гладят мое лицо, и я чувствую, как расправляются и исчезают куда-то морщины. Потом я припадаю губами к ее розовым, еще не кормившим дитя соскам и так засыпаю на недолго, до следующего зова ее молодой плоти. После любви с ней я становлюсь свеж, бодр, мне нипочем самое страшное в этой бренной жизни. Уставший, но сильный от бессонной ночи, я вхожу в сияние дня, который существует только для того, чтобы наступила потом сумасшедшая ночь.

Из материалов уголовного дела № 1468

«По данному преступлению были подняты все имеющиеся материалы по пропавшим женщинам г. Якутска и ближним районам – Намском, Горном, Орджоникидзевском и Мегино-Кангаласском. Было поднято розыскное дело Ларионовой А.Г. Работники продовольственного магазина № 31 отметили, что фрагмент платья сожженного трупа на сороковом километре

Вилюйского тракта напоминает ткань платья, в котором в последний раз видели старшего продавца Ларионову. С целью установления сходства оперуполномоченные уголовного розыска капитан милиции Иванов С.В. и старший лейтенант милиции Адамов А.Н. посетили квартиру Ларионовых. Дома были оба брата Ларионовых, Ларионов-отец находился на дежурстве. Братья Ларионовы сказали, что платья из такой ткани у сестры не было».

Из воспоминаний оперуполномоченного уголовного розыска Ярославского РОВД г. Якутска старшего лейтенанта милиции Адамова Андрея Николаевича

«В тот день мы поехали с Ивановым уточнить сходство ткани, найденной на остатках костра, на квартиру к Ларионовым. Был вечер, дома находились оба брата. Ларионов П.Г. зашел к родным по делу вместе со своим сынишкой. Оба брата удивились нашему визиту. Мы предъявили им кусочек ткани. Братья в один голос заверили, что платье из такой ткани сестра не носила. Они не верили, что она могла быть сожжена на костре. Просто не за что. Опять сказали, что сестра нагуляется и вернется. Однако в их голосах чувствовались почти неуловимое волнение и какая-то неуверенность. Было уже поздно, и отца Ларионовых мы решили навестить на следующее утро, когда он вернется с работы».

Она стоит у трюмо и вертится, что девчонка, любуясь своим отражением. Дома никого нет, поэтому мы можем разговаривать, смеяться и любить друг друга сколько угодно. Я, уставший и неодетый, лежу в постели и любуюсь ею. До чего она хороша в этом розовом платье-сарафанчике на бретельках, которое плотно облегает ее гибкое девичье тело, обрисовывая высокую грудь, сильные бедра и круглую попку. Зеркало отражает ее, уже чуть подзагоревшее лицо с неожиданным, исподлобья взглядом черных глаз. Она смотрит на меня и улыбается. Улыбается мне, старику, который годится по возрасту ей в отцы… О, если бы не мой возраст, если бы не мое адское положение!

Я смотрю на нее и запоминаю, потому что знаю своим сердцем – скоро все, что было у нас, кончится. Надо запомнить все до мелочи, а потом жить прошлым. Мне подсказывают это прожитые года. Ничто не вечно в этом мире, все имеет начало и конец. Проходит моя жизнь, прошла по ней моя несравненная Татыйас, которую я увидел давным-давно в таком же розовом платье. Только платье было другого фасона, и Татыйас была другая, и я сильно изменился с той белой июньской ночи. Все проходит. Уйдет скоро от меня и она в своем розовом платье на бретельках, уйдет, как и пришла, навстречу другому, это закон жизни, а я останусь со своими воспоминаниями о ней, останусь молодой, энергичный, каким я стал сегодня в душе, но в старой, стариковской своей оболочке, обуреваемый яростной, последней страстью.

Из материалов уголовного дела № 1468

«12 июня 1984 г. оперуполномоченные Иванов и Адамов предъявили на опознание фрагмент платья, обнаруженный 10 июня с.г. на кострище на сороковом километре Вилюйского тракта, отцу пропавшей 18 мая с. г. Ларионовой А.Г. Ларионов Г.П. опознал в кусочке ткань платья своей дочери.

В тот же день проведен повторный осмотр квартиры Ларионовых на предмет наличия улик. Однако осмотр с применением технических средств ничего не дал.

Тщательный осмотр при дополнительном освещении подъезда пятиэтажного дома – лестничной площадки, лестницы, ведущей вниз, крыльца – по улице Дзержинского 29, где проживают Ларионовы в кв. 62, позволил обнаружить пятна бурого цвета, похожие на кровь.

Биологический анализ этих пятен, а также биологический анализ частиц кожи и тела останков сожженного на костре трупа, обнаруженного 10 июня с. г. на сороковом километре Вилюйского тракта, проведенный в Якутской судмедэкспертизе, позволяют утверждать, что пятна бурого цвета являются кровью. Кровь принадлежит останкам тела, сгоревшего на костре. (Заключение судмедэкспертизы прилагается).

При отработке братьев Ларионовых Ф.Г. и П.Г. на день исчезновения 18 мая текущего года их сестры Ларионовой Анны Гавриьевны выяснилось следующее. Младший брат Петр

Гаврильевич Ларионов в тот день получил аванс, пошел после работы в пивбар, пришел домой поздно с початой бутылкой водки, допил ее и ночью никуда не отлучался. Старший Федор Ларионов должен был 18 мая встретить в аэропорту свою девушку, которая прилетала из Черского поздно вечером. Для этого он одолжил у своего знакомого Кондакова Е.Е., проживающего по ул. Чайковского, 19, машину марки «жигули», забрал ее часов в 9 вечера, обещал в тот же вечер пригнать ее обратно. Действительно, Ларионов Ф.Г. вернул машину примерно в 4-5 часов утра. Когда утром Кондаков Е.Е. осмотрел свою машину, то приятно удивился порядочности Ларионова Ф.Г. Машина была помыта как изнутри, так и снаружи. Тщательный осмотр машины Кондакова экспертом ЭКО УВД г. Якутска – капитаном милиции Рахлеевым Э.С. позволил обнаружить в салоне «жигулей» мелкие пятна бурого цвета, которые при использовании ультрафиолетовых излучателей светились, что свидетельствует о наличии крови. Отправленные на идентификацию в судмедэкспертизу мазки крови из салона машины Кондакова подтвердили сходство ее с группой крови останков женского тела, обнаруженного 10 июня 1984 г. на сороковом километре Вилюйского тракта».

Из воспоминаний оперуполномоченного уголовного розыска Ярославского РОВД г. Якутска старшего лейтенанта милиции Адамова Андрея Николаевича

«Рабочий день подходил к концу, когда в наш маленький, всего два на три с половиной метра кабинетик Ярославского РОВД, что напротив Сайсарской бани, явился на допрос Ларионов Федор Гаврильевич. Был он по обыкновению подтянут, уверен в себе и невозмутим. Мы поздоровались за руку, и я почувствовал еле заметную, мелкую дрожь его ладони.

Вели допрос-беседу я и капитан Сергей Васильевич Иванов, предварительно оговорив ее тактику: задавать вопросы не в лоб, а исподволь. Ларионов в начале допроса был легок, но потом, когда около часа мы проговорили ни о чем, он напрягся. В его ответах появилась резкость и в то же время растерянность. Казалось, что он чего-то ждал, и мы знали, что это было – он ждал прямого вопроса об убийстве сестры…

Была выкурена не одна пачка сигарет, выпит не один чайник чая, давно наступила ночь. Мы спрашивали о его связях, знакомых, невесте, работе, о школьной жизни, о том, умеет ли он водить машину. Ларионов не знал ничего об обнаруженном трупе, машине, заключении экспертизы и был уверен, что это преступление никогда не раскроется. Мы, как гончие, вели его по следу, и примерно около четырех утра он начал все понимать.

Руки его затряслись, он не мог зажечь спички. Я щелкнул зажигалкой и спокойно сказал: «Может, надо сознаться… Лучше горькая правда, чем красивая ложь». Ларионов поднялся, отскочил в угол, глаза его в ужасе округлились, он, разом обмякнув, затрясся в рыданиях и сел на корточки. Иванов подал ему стул, а я – испитый остывший чай. И Ларионов рассказал все, как было.

До смерти матери жили они прекрасно. Мать – душевный и чистый человек была стержнем в их семейной жизни. После ее смерти отец сильно захандрил, очень грустил, и все чаще они с сестрой засиживались за чаем на кухне, а потом… Потом они стали вместе жить, как муж и жена. Вечером сестра как ни в чем не бывало шла спать в его комнату…

Все бы ничего, если бы не ее это отвратительное поведение. Но на его замечания сестра просто отмахивалась: «Не твое дело». В тот день 17 мая должна была прилететь его невеста из Черского. Но как вести ее, чистую, в этот порочный дом? И тогда он решил…

Он заранее договорился с машиной, припасся ножом, бензином, топором. 17 мая Анна, как обычно, пришла с работы домой, поужинала. Он еще не хотел претворять задуманное в жизнь и в последний раз попросил сестру уйти жить куда-либо, не поймет их его невеста.

Сестра отказалась и вышла из кухни, где они разговаривали. Он в два прыжка нагнал ее в коридорчике и несколько раз ударил ножом. Сестра рухнула на пол. Брат Петя ждал за дверью в коридоре. Вдвоем они быстро вынесли завернутый в одеяло труп и кинули на заднее сиденье машины. В страхе они неслись на бешеной скорости за город. Казалось, все знают,

что он сделал… Очнулись далеко за городом в глухом лесу, пока машина не ткнулась в большой старый пень. Вытащили труп. Глаза сестры были открыты. Ему показалось, что она еще живая. В каком-то полусне он отрубил ей голову… Затем облил бензином. Огонь отчаянно вспыхнул… Голову он сунул в пакет и подвесил на каком-то дереве…

В городе он отвез брата домой, помыл машину и поехал в порт встречать невесту. Но ни радости от встречи, ни праздника в душе и доме не было».

Добрые светлые духи-иччи, так долго оберегавшие жизнь моей семьи, отвернулись от нас за мой тяжкий грех. Что было со мной, когда я отдавался прелюбодеянию со своей кровиночкой, ненаглядной Анчик? Помутнение разума? Нет, я сознательно шел на это, я любил ее, как любят только желанную единственную женщину, видя в ней Татыйас и только Татыйас. Татыйас ушла, бросила меня, оставив взамен Анчик.

Анчик, мой белый стерх, недолгое счастье мое… Когда милиционеры принесли обгоревший обрывок твоего розового платья, я все понял и долго плакал в тиши. Я воочию видел, как жаркий огонь обнимал твое священное тело, ты изгибалась, хотела встать, но за тебя решили божества, и ты в муках ушла к ним…

Лихая тетка-судьба быстро расправилась со мной за мою любовь-падение. Я потерял Анчик, сыновей, но я благодарен ей за все, что было у меня. Прощайте.

ЧАС НОЧИ

Не спалось. Вчера, как часто у него водится, он круто погулял в кабаке – обязательно с обильной выпивкой, бабами и дракой. Вся длинная ночь с дружками и подружками пролетела как одно мгновение – пьяные рожи, хохот случайных вульгарных девиц, отчаянные танцы с непристойными движениями, музыка, шум. Драку он помнит смутно. Кажется, сцепились Серый с Тормозом. Чего не поделили? Но это точно было не в кабаке, а на хате у Тоньки, их постоянной спутницы и собутыльницы. Он их разнимал, а дальше – пустота.

Проснулся он к полудню, выжатый, как лимон, в обнимку с какой-то жирной и голой теткой. Тьфу ты! И чего это спьяну его всегда тянет к некрасивым толстым бабам? Нет чтобы приглядеть какую-нибудь молодую телку с ногами от ушей, ту же Тоньку, к примеру, которую оттрахал, кажется, весь Якутск. Ну и что с того? С нее не убудет.

Он выполз из-под объятий толстухи, нашарил в ногах плавки, натянул и поднялся с дивана. У-у, да тут они не одни: в углу комнаты на разложенном кресле сопели в две дырки Серый с Тонькой. В смежной комнатушке на тахте он обнаружил Тормоза с какой-то маленькой пигалицей. Кто она, он не знал. Школьница что-ли? Больно мала.

На кухонном столе гора бутылок, окурков, остатков еды. В чайнике на плите ни грамма воды. С жадностью, с какой припадает жаждущий в пустыне к роднику, он прилип к крану с холодной водой. Полегчало. Нашел сигареты, затянулся. Нет, надо линять. Скоро дружки продерут глазки, и оргия продолжится. Это как пить дать. А дома мать одна. Опять, наверно, не спала. Недолго думая, он оделся и бесшумно вышел из квартиры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.